

УДК 94(44)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-11-31

«Черная легенда» о Валентине Висконти в политической культуре Франции на рубеже XIV–XV вв.

Ольга И. Тогоева

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
togueva@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу истоков и особенностей формирования «черной легенды» о Валентине Висконти, супруге герцога Людовика Орлеанского и невестке Карла VI. Автор в деталях исследует все источники рубежа XIV–XV вв., пересказывавшие слухи о том, что герцогиня являлась ведьмой, которая навела порчу на французского короля, и оспаривает точку зрения, бытующую в историографии, согласно которой создателем этой «черной легенды» был один человек – геннегаузский хронист Жан Фруассар. По мнению автора статьи, слухи о Валентине Висконти возникли значительно раньше, чем Фруассар взялся за составление своих «Хроник», они носили изначально устный характер и в первую очередь были связаны с политической пропагандой герцогов Бургундских, пытавшихся получить всю полноту власти во Французском королевстве. Сплетни о Валентине Висконти как о ведьме и распутнице с самого начала носили характер политический и имели отношение не к «объективной» оценке текущих событий, а потому вести речь о каком-то одном авторе «черной легенды» о герцогине Орлеанской – даже если на эту роль претендовал Жан Фруассар, один из самых читаемых хронистов рубежа XIV–XV вв., – не представляется возможным.

Ключевые слова: XIV–XV вв., Франция, королевский двор, Карл VI, Людовик Орлеанский, Валентина Висконти, герцоги Бургундские, общественное мнение, политическая пропаганда

Для цитирования: Тогоева О.И. «Черная легенда» о Валентине Висконти в политической культуре Франции на рубеже XIV–XV вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 11–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-11-31

The “Black Legend” about Valentina Visconti in the French political culture at the turn of the 14th–15th centuries

Olga I. Togoeva

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, togoeva@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the origins and features of the formation of the “black legend” about Valentina Visconti, the wife of Duke Louis of Orleans and the sister-in-law of Charles VI. The author studies in detail all the sources of the turn of the 14th–15th centuries, which retold rumors that the Duchess was a witch who brought a spell on the French king, and disputes the point of view prevailing in historiography, according to which the creator of that “black legend” was one and the only person – the Hennegau chronicler Jean Froissart. According to the author of the article, rumors about Valentina Visconti arose much earlier than Froissart took up the compilation of his “Chronicles”, they were initially oral in nature and were primarily associated with the political propaganda of the Dukes of Burgundy, who were trying to gain full power in the French Kingdom.

Keywords: 14th–15th centuries, France, Royal court, Charles VI, Louis of Orleans, Valentina Visconti, Dukes of Burgundy, public opinion, political propaganda

For citation: Togoeva, O.I. (2022), “The ‘Black Legend’ about Valentina Visconti in the French political culture at the turn of the 14th–15th centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 4, pp. 11–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-11-31

Валентина Висконти (1366/1368–1408) была единственной дочерью соправителя, синьора, а затем (с 1395 г.) первого герцога Милана Джан Галеаццо Висконти от брака с французской принцессой Изабеллой, родной сестрой Карла V Мудрого¹. Таким образом, она приходилась кузиной своему будущему супругу – Людовику Ва-

¹ Наиболее подробной биографией Валентины Висконти до сих пор остается давнее исследование Э. Колла: *Collas E. Valentine de Milan, duchesse d'Orléans*. Paris: Plon-Nourrit, 1911; рус. пер.: *Колла Э. При дворе безумного короля: Жизнь Валентины Миланской, герцогини Орлеанской* / Пер. М. Некрасова. М.: Евразия, 2018. См. также: *Vaglianti F.M. Visconti Valentina* // *Dizionario biografico delle donne lombarde* / A cura di R. Farina. Milano: Baldini & Castoldi, 1995. P. 1146–1148.

луа, младшему брату Карла VI. И все же, несмотря на столь близкое родство, формально являвшееся преградой для заключения брака², свадьба Валентины состоялась 17 августа 1389 г. в Мелёне, а уже 22 августа она вместе с мужем прибыла в Париж.

Въезд в столицу Франции был обставлен со всей возможной роскошью, о чем свидетельствовали очевидцы событий – ген-негаузский хронист Жан Фруассар, который приехал в Париж специально, дабы присутствовать на этом «достойнейшем празднике» (*très-noble feste*), и Мишель Пентуэн, монах из Сен-Дени и автор «Хроники Карла VI», вошедшей затем в состав «Больших французских хроник»³. Впрочем, о первых годах, проведенных Валентиной Висконти в Париже, современники не сообщали практически ничего, за исключением, пожалуй, одного важного факта: герцогиня проживала вместе с королевой – сначала в Венсенне, а затем в столице, во дворце Сен-Поль, где ее постоянно мог видеть Карл VI⁴. Возможно, именно это обстоятельство и положило начало тем слухам, которые в конце концов заставили супругу Людовика Орлеанского покинуть двор.

* * *

Четвертого июня 1392 г. при непосредственном содействии короля его младший брат получил титул герцога Орлеанского, отдав в обмен на новые владения герцогство Турень⁵, и уже в этом статусе в июле того же года принял участие в военной экспедиции Карла VI в Бретань. Целью кампании был захват силой Пьера де Краона, попытавшегося месяцем ранее убить коннетабля Франции Оливье де Клиссона, а затем спешно покинувшего королевство и укrywшегося у Жана де Монфора [Guenée 1992, pp. 99–100]. Несмотря на личное обращение монарха, герцог Бретонский отказался выдавать своего родственника, которому гро-

² Согласно каноническому праву, запрещены были браки между родственниками вплоть до четвертого колена: [Olivier-Martin 1992, pp. 268–269], в связи с чем для брака Валентины и Людовика было получено специальное разрешение папы римского: *Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422* / Ed. par M.L. Bellaguet. Paris, 1839–1852. T. 1. P. 610.

³ Праздник продолжался с 22 по 24 августа 1389 г.: *Œuvres complètes de Froissart. Chroniques* / Ed. par M. Le baron Kervyn de Lettenhove. Os-nabruck, 1967, 14, pp. 5–25; *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, T. 1. P. 606–616.

⁴ *Œuvres complètes de Froissart. Chroniques*. T. 14. P. 390.

⁵ [Autrand 1986, pp. 271–286]; *Collas E. Op. cit.* P. 109–111.

зила смертная казнь за покушение на жизнь столь высокопоставленного чиновника, а потому французский отряд во главе с Карлом отправился в путь и 24 июля 1392 г. достиг Ле-Мана. Здесь, однако, произошла задержка, поскольку король, по заявлению сопровождавших его врачей, был болен: его лихорадило, у него наблюдалось спутанное сознание, он был не в состоянии внятно изъясняться и совершал «недостойные его особы поступки»⁶. Тем не менее 5 августа войско продолжило путь. Карл VI двинулся во главе своего личного отряда, когда лязг оружия внезапно спровоцировал у него необъяснимый приступ бешенства. Король выхватил меч и принялся наносить удары направо и налево, не узнавая собственных приближенных. Часть из них в панике обратилась в бегство, другим же удалось схватить монарха, связать его и на телеге отвезти обратно в Ле-Ман⁷.

Так началась «странная и никому доселе неизвестная» болезнь⁸, которая не оставляла Карла VI на протяжении последующих тридцати лет, вплоть до его смерти в 1422 г. Приступы помешательства – когда правитель Франции не узнавал никого из окружающих, не помнил своих имени и титула, уничтожал изображения собственного герба⁹ – были нерегулярными и могли длиться от нескольких дней до нескольких месяцев. Несмотря на все усилия медиков, знахарей и даже колдунов, привлеченных для консультаций¹⁰, причины таинственного недуга оставались неясными. А потому очень скоро по королевству и прежде всего

⁶ “...Le roy de France, luy séjournant en la cité du Mans, ...n’avoit esté toute la saison, mais foible de chief, petitement beuvant et mengant, et près tous les jours en chaleur de fièvre et de chaude maladie” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques, T. 15. P. 36); “Quam familiares ejus non immerito mirabantur; nam ab augusti mensis principio, velut vir non sane mentis, verbis fatuis utendo, gestus eciam majestatem regiam dedecentes exercuerat inter eos” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 18).

⁷ Подробнее о начале болезни Карла VI см.: [Guenée 2004, pp. 8–11; Autrand 1986, pp. 290–295].

⁸ “Sed, ut in procursu rerum adversa et inconsueta emergunt, hoc nequi vit infirmitate mirabili alias inaudita prepeditus” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 18).

⁹ “Dictu sane mirabile et auditu mirabilius, non solum se uxorum liberosque genuisse denegabat, ymo suimet et tituli regni Francie oblitus, se non nominari Karolum, nec deferre lilia asserebat; et quociens arma sua vel regine exharata vasis aureis vel alicubi videbat, ea indignantissime delebat” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 86–88).

¹⁰ Ibid. P. 88.

по Парижу поползли слухи о том, что Карл VI не просто болен – на него навели порчу¹¹.

Особенно активно эти слухи начали распространяться в 1393 г., когда во время второго приступа помешательства несчастный король перестал узнавать собственную супругу Изабеллу Баварскую¹², а из всех прочих дам выносил общество лишь своей «любимейшей сестры» – Валентины Висконти, которой наносил ежедневные визиты¹³. Именно ее общественное мнение назначило главной виновницей болезни монарха – ведьмой, околдовавшей Карла VI и мечтавшей лишь о том, чтобы трон перешел к ее мужу, Людовiku Орлеанскому¹⁴.

Французские авторы конца XIV – первой половины XV в., передававшие подобные слухи о Валентине Висконти, давно и хорошо известны историкам. Однако происхождению этих домыслов оказалось посвящено, насколько можно судить, всего одно специальное исследование – работа Алана Маршандисса [Marchandisse 2008]. Бельгийский ученый предположил, что родоначальником «черной легенды» о герцогине Орлеанской стал Жан Фруассар – единственный, кто высказывался о нашей героине сугубо негативно и безоговорочно верил в ее репутацию ведьмы.

Знаменитый хронист действительно отзывался о невестке Карла VI в крайне не лестных для нее выражениях. Даже в описание сцены торжественного въезда Валентины Висконти в Париж в августе 1389 г. он ухитрился вставить невинное лишь на первый взгляд замечание, касавшееся «ничем не примечательной» кареты принцессы, которая вовсе не выделялась на фоне экипажей прочих

¹¹ “...Et prout fama publica refferebat, quorundam malignoum sortilegiis detentus... Scio tamen quod ex alienacione sensuum interiorum hanc rationem sumebant” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 86).

¹² Ibid. P. 88.

¹³ “Super omnes mulieres dominam ducissam Aurelianensem aspicere cupiebat, ipsamque vocans sororem dilectissimam, diebus singulis visitabat” (Ibid.); “...le roy en ses maladies ne vouloit point la royne voir, ne congnoistre, ne nulle femme du monde, fors celle duchesse” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261).

¹⁴ “...Car elle estoit moult envieuse et convoiteuse sur les délices et estas de ce monde, et volentiers eüst veu que son mary le duc d’Orléans fuist parvenu à la couronne de France, ...et couroit sur elle fame et escandèle général que toutes les enfermetés que le roy de France oy eues et avoit encoires moult souvent, dont nul médechyn ne le sçavoit, ne povoit conseillier, venoient de elle et par ses ars et par ses sors” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 260).

дам¹⁵. И чем дальше шло его повествование, тем жестче становились оценки Фруассара. То он с презрением описывал ссору юной герцогини с пожилой и влиятельной супругой герцога Бургундского¹⁶. То авторитетно утверждал, что Валентина, вынашивая коварные планы по захвату французского трона, пыталась умертвить с помощью отравленного яблока наследника престола¹⁷. То пересказывал историю семейства Висконти, уточняя, что и отец, и дед герцогини являлись узурпаторами власти и тиранами¹⁸, использовавшими ради достижения своих преступных целей яды и колдовские зелья¹⁹.

Столь же жестко критиковал хронист и Людовика Орлеанского. Так, повествуя о невероятной влюбчивости младшего брата короля, он как бы ненароком подводил читателя к выводу о том, что упоминавшаяся выше военная экспедиция в Бретань была вызвана смертельной ненавистью Людовика к Пьеру де Краону – его бывшему ближайшему другу и confidentу, которому он по секрету поведал об одной из своих многочисленных страстей. Бретонский сеньор якобы не стал держать язык за зубами и передал эти слова супруге герцога Валентине Висконти²⁰. Когда же рассказ хрониста доходил до событий в Ле-Мане в августе 1392 г., он, описывая первый приступ помешательства Карла VI, не только сообщал, что дело происходило в лесу (*en la forest du Mans*), т. е. в месте, которое в эпоху позднего Средневековья уже вполне устойчиво ассоциировалось с шабашем ведьм²¹, но и уточнял, что утративший рассудок монарх первым делом бросился с обнаженным мечом на собственного брата, обвиняя того в измене и угрожая расправой²².

¹⁵ “...Car elle estoit moult envieuse et convoiteuse sur les délices et estas de ce monde, et volentiers eüst veu que son mary le duc d’Orléans fuist parvenu à la couronne de France, ...et couroit sur elle fame et escandèle général que toutes les enfermetés que le roy de France oy eues et avoit encoires moult souvent, dont nul médechín ne le sçavoit, ne pavoit conseilíier, venoient de elle et par ses ars et par ses sors” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 6).

¹⁶ Ibid. P. 96.

¹⁷ “Une pomme tout enveminée fut jetté tout en rondelant sur le pavement et devers le daulfin de Vienne le plus; car on cuida que il la deüst prendre, mais non fist par la grâce de Dieu qui l’en garda” (Ibid. P. 260).

¹⁸ “...ce duc de Milan... et messire Galeas son pere régnèrent comme tirans” (Ibid. P. 254).

¹⁹ Ibid. T. 15. P. 255, 256, 258, 259.

²⁰ Ibid. T. 14. P. 318.

²¹ О становлении этого устойчивого средневекового топоса см. подробнее: [Тогоева 2017].

²² Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 37, 39–42.

Учитывая столь резкую критику герцога Орлеанского и его супруги, содержащуюся в хронике Фруассара, А. Маршандисс предположил, что именно она – как сочинение, пользовавшееся большой популярностью еще при жизни автора, – если не сформировала общественное мнение в Париже и во всем королевстве, то оказала на него самое непосредственное влияние. В подтверждение своей гипотезы историк приводил прежде всего тот факт, что Фруассар испытывал к Людовику Орлеанскому личную неприязнь, видя в нем политического противника тех, кого рассматривал в качестве собственных покровителей, и прежде всего Ги II де Шатийона, который был вынужден продать герцогу графство Блуа.

Моральный облик младшего брата короля – распутника и узурпатора власти, по мнению А. Маршандисса, также не устраивал хрониста. Что же касается Валентины Висконти, то негативное отношение к ней исследователь связывал с общей нелюбовью Жана Фруассара к женщинам при дворе правителя, использующим ради достижения своих целей яды и магию. Кроме того, как отмечал бельгийский ученый, Валентина являлась иностранкой: она не просто происходила из семьи «потомственных» тиранов – ее родная Ломбардия славилась на всю Европу как один из главных очагов колдовства [Marchandisse 2008, pp. 89–92].

Критика в адрес герцога и герцогини Орлеанских со стороны Жана Фруассара действительно заслуживает внимания. Однако его упреки не были чем-то уникальным, они присутствовали, к примеру, в «Хронике Карла VI». Мишель Пентуэн также передавал известия о явной склонности правителей Милана добиваться своих политических целей с помощью ядов²³, а жителей Ломбардии – использовать в повседневной жизни колдовство²⁴. Много внимания монах из Сен-Дени уделял и личности Людовика Орлеанского: он сообщал о чрезмерной любви младшего брата короля к роскоши и его непомерных долгах, о крайне неудачных налоговых реформах, проведенных им в королевстве, о его провальной внешней политике, о его сознательном отказе прислушиваться к советам более опытных в делах управления людей, о его бесконечных ссорах с ближайшими родственниками и с Парижским университетом²⁵. Все эти очевидные для Пентуэна факты позволяли ему утверждать, что

²³ Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 1. P. 712; T. 3. P. 130, 134.

²⁴ “...In Lombardia, unde ducebat originem, intoxicaciones et sortilegia vigeant plus quam aliis partibus” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 88); “...et, tandem, quod in patria commune est, intoxicaverat veneno” (Ibid. T. 3. P. 132).

²⁵ Ibid. T. 3. P. 228–230, 266, 282–288, 310–316, 330–338, 458–462, 738.

Людовик Орлеанский превратился в истинного тирана: воспользовавшись болезнью Карла VI, он посмел узурпировать всю власть в королевстве²⁶.

Таким образом, единственным, что действительно отличало стиль повествования Жана Фруассара, была его явная предвзятость в отношении герцога и его супруги. И эта личная неприязнь, по всей видимости, с годами лишь усугублялась, о чем свидетельствует позднейшая редакция тех глав «Хроник», в которых излагаются события 1390-х гг.²⁷ Ее следы мы находим, в частности, в пассаже, повторно излагающем слухи о претензиях Людовика Орлеанского на французский престол и о поддержке, которую якобы оказывала ему в этом Валентина Висконти. Изначально в тексте речь шла лишь о том, что герцогиня собственноручно навела порчу на короля и пыталась отравить его детей²⁸, однако затем в повествование была дополнительно введена фигура дьявола, якобы открывшего придворным заклинателям всю правду о невестке Карла VI и о ее планах по захвату власти в королевстве²⁹. Иными словами, активно редактируя свой труд в последние годы жизни, т. е. уже в начале XV в.³⁰, Фруассар недвусмысленно намекал, что Валентина являлась не какой-то полуграмотной знахаркой, но истинной ведьмой и верным адептом Нечистого, который и обучил ее преступному ремеслу.

²⁶ “Nac de causa multi imprecaciones, cum plus non possent, in duces Aurelianis absque erubescencie velo jaculabant, Christo supplicantes humiliter ut mitteret qui populum a *tyrnanide* ipsius liberaret” (Ibid. P. 232; курсив мой. – О. Т.).

²⁷ Уже после смерти Жана Фруассара его «Хроники» были условно разделены на четыре книги, из которых нас более всего интересует последняя. Она создавалась в 1398–1400 гг., а затем в нее вносились многочисленные исправления (возможно, неоднократные), см.: Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P.: La Pochothèque, 1992. P. 771–776.

²⁸ “...Car on disoit qu'elle vouloit empoisonner le roy et ses enfans, et jà l'avoit-elle bien ensorcerer” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261).

²⁹ “...le roy estoit démené par sors et par charmes, et *le sçavoient par le déable*, qui leur révéloit cest affaire, ... car ils parloient si avant, disans que la duchesse Valentine d'Orléans et fille au duc de Milan faisoit cel encombrer et en estoit cause pour parvenir à la couronne de France” (Ibid. P. 353; курсив мой. – О. Т.).

³⁰ Исследователи расходятся во мнениях, когда и кто именно редактировал текст четвертой книги. М. Зенк полагал, что все исправления вносил сам автор, который имел четкий план «Хроник» и успел довести их до

Учитывая время создания окончательного варианта четвертой книги «Хроник», сложно согласиться с А. Маршандиссом в том, что Жан Фруассар был первым автором из тех, кто пересказывал слухи, ходившие о герцогине Орлеанской по Парижу [Marchandisse 2008, pp. 88, 91]. Значительно раньше над сочинением, посвященным правлению Карла VI, начал работать Мишель Пентуэн, который – в отличие от своего геннегаузского коллеги – постоянно находился в столице или сопровождал монарха в его многочисленных разъездах, а также имел доступ ко всем документам королевской канцелярии [Guenée 1999, pp. 33–49, 51–56, 91–139]. Монах из Сен-Дени трудился над своей «Хроникой» уже в 1388–1392 гг., а потому его по праву можно назвать главным свидетелем эпохи [Guenée 1999, pp. 9, 41–42].

Более того, как отмечал Б. Гене, именно период 1390–1415 гг. оказался описан Мишелем Пентуэном наиболее подробно. В этих главах нашли отражение все хоть сколько-нибудь примечательные события, происходившие при дворе, в столице королевства, во всей стране и за ее пределами: самым тщательным образом было зафиксировано даже количество приступов болезни Карла VI за каждый год [Guenée 1999, p. 51]. И хотя монах из Сен-Дени впоследствии явно вносил редактуру в свой текст³¹, она, по всей видимости, не коснулась рассказа о порче, якобы наведенной на короля его невесткой. Пентуэн – как и Фруассар – обращался к этому сюжету дважды, но своего доброжелательного отношения к Валентине Висконти не изменил. Многие французы, писал он, верили в колдовские способности герцогини, но подобные инсинуации основывались лишь на том, что она происходила из Ломбардии – родины всяческих ядов и зелий, а потому выглядели неправдоподобно³². Вновь возвращаясь к той же теме, хронист настаивал, что «не имелось ни малейших доказательств», что столь достойная дама могла решиться на такое серьезное преступление:

логического конца: [Zink 1992, pp. 305–308; Zink 1998, pp. 89–90, 110]. А. Варваро, напротив, высказывал предположение, что последняя редакция четвертой книги принадлежала уже не Фруассару, но его продолжателям, закончившим эту работу после 1404 г.: [Varvaro 2011, pp. 39, 53–56, 65–70, 79–87].

³¹ Бернар Гене полагал, что описание событий 90-х гг. XIV в. обрело свой законченный вид лишь спустя примерно 10 лет: [Guenée 1999, p. 42].

³² “Quod multi in partem interpretabantur pejorem, *non tamen dicam probabilem*; sed quod eis videbatur verissimile, allegantes quod in Lombardia, unde ducebat originem, intoxicaciones et sortilegia vigeant plus quam aliis partibus” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 88; курсив мой. – О. Т.).

слухи о нем распускали «люди недалекие, верящие в колдовство и некромантию»³³.

Таким образом, даже если Мишель Пентуэн и Жан Фруассар могли встречаться лично и обмениваться информацией [Marchandise 2008, p. 88]³⁴, сообщения геннегаузского интеллектуала окazyвались все же вторичными по отношению к тексту «Хроники Карла VI». Вероятно, он действительно писал ярче и интереснее, нежели его парижский коллега [Marchandise 2008, pp. 87–88; Zink 1992, p. 306; Varvaro 2011, p. 171]. Но положение монаха из Сен-Дени как официального королевского историографа заставляет предполагать, что и его мнение могло быть услышано и приниматься в расчет – во всяком случае, в образованных столичных кругах.

Точку зрения Мишеля Пентуэна поддерживал еще один современник и очевидец событий – Эташ Дешан, придворный поэт и ближайший сподвижник Людовика Орлеанского, на службе у которого он состоял практически всю жизнь³⁵. Вне всякого сомнения, его положение в обществе обуславливало лестные отзывы о супруге герцога, содержащиеся в его балладах, часть из которых были непосредственно посвящены Валентине Висконти³⁶. Однако для нас наибольший интерес представляет всего одна из них – *En Orient servent de tel beuvrage*, где автор затрагивал проблему распространения во Франции различных магических практик, рекомендуя соотечественникам держаться подальше от выходцев с Востока, с Пиренеев, Апеннин и с Сицилии, ведь для них колдовство давно превратилось в привычное занятие³⁷. Точно так же Дешан испытывал предубеждение и против ломбардцев, поскольку их «слова расходятся с делом», а «напитки вызывают сомнение»³⁸. Иными словами, речь шла о тех же самых слухах, касавшихся родины

³³ “Quod tam generosa ducissa perpetraverit tantum malum, *nunquam homo habuit pro comperto*, nec quis potest ipsam propter hoc diffamare. Et sentanciam vulgalem de sortilegiis a fatuis, nigromanticis et supersticiosus viris procedentem negare in animo est” (Ibid. P. 406; курсив мой. – О. Т.).

³⁴ Противоположная точка зрения: [Guenée 1999, pp. 27–28].

³⁵ Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 429–432.

³⁶ Deschamps E. Œuvres complètes / Ed. par A.H.E. de Queux de Saint-Hilaire, G. Raynaud. Paris, 1878–1903. T. 3. P. 166–167; T. 4. P. 21–22, 269–270; T. 7. P. 122–123; T. 8. P. 27–28.

³⁷ “Soubtils es ars qui font les mauvais pendre; / Sortileges et enchanteur felon, / D’ars deffendus se font mains d’eulz reprendre” (Ibid. T. 3. P. 282).

³⁸ “Gardez vous de leurs agais / Et de Lombars, soiés soubtilz et gaie, / Vous d’Occident; ilz dient un langage / Et autre font, leur boire est douteux, mais / En Orient servent de tel beuvrage” (Ibid. T. 3. P. 283).

Валентины Висконти, которые пересказывали в своих хрониках Жан Фруассар и Мишель Пентуэн. Баллада *En Orient servent de tel beuvrage* была предположительно создана в 1389 г.³⁹, а сам поэт по крайней мере дважды лично побывал в Ломбардии – в 1360 г., в связи со свадьбой Джан Галеаццо Висконти с Изабеллой де Валуа, и в 1391 г. – вместе с Людовиком Орлеанским⁴⁰.

Столь же хорошо со слухами о Валентине Висконти оказывался знаком еще один современный событий – Оноре Бове, получивший степень доктора канонического права в Авиньоне, неоднократно бывавший в Италии, а в 1392 г. перебравшийся в Париж и поступивший на службу к Карлу VI⁴¹. При королевском дворе были написаны большинство произведений Бове, и в том числе – поэма *Apparicion maistre Jehan de Meun*, законченная в сентябре 1398 г. и посвященная одновременно Людовику Орлеанскому, его супруге и Жану де Монтегю, главному казначею и фавориту французского монарха [Guenée 2004, p. 93]. Оноре Бове описывал свой сон, в котором его посещали самые различные персонажи и, в частности, некий врач, рассказывавший о болезни Карла VI. Он жаловался на то, что столицу королевства наводнили «злобные прорицатели и колдуны», делавшие вид, что они готовы излечить правителя, но в действительности пытавшиеся его извести⁴². Более того, они бросали тень на «многих знатных персон, чистых, верных, скромных и добропорядочных», которых выставили своими сообщниками⁴³. Слухи о том, что короля отравили или на него навели порчу, переполняли столицу, хотя распространяли их «люди недалекие», а потому верить им было нельзя⁴⁴. Ведь за подобными сплетнями, авторитетно заявлял Оноре Бове, всегда стоит сам дьявол, «конне-

³⁹ Eustache Deschamps en son temps / Sous la dir. de J.-P. Boudet, H. Millet. P.: Publications de la Sorbonne, 1997. P. 243.

⁴⁰ Ibid. P. 12.

⁴¹ *Biu H. Honorat Bovet* // Histoire littéraire de la France. Vol. 43 (1). P.: Académie des inscriptions et belles-lettres, 2005. P. 83–128.

⁴² «Or sont venus meschans devins / Sorceliers, arquimans, coquins / Qui cudent par art d'invoquer / Sans dieu les malades saner» (*Bovet Honoré. Apparicion maistre Jehan de Meun* // BNF. Ms. fr. 811, fol. 6v).

⁴³ «Sy a diffame maint grans personnes / Nettes, loyaux, feaulx et bonnes / Plus chier ameroient la mort / Qu'a leur seigneur faire tel tort / Comme de luy tolr santé / Et mettre a chestivete» (Ibid.).

⁴⁴ «Lygnorant gent prent tel propos / Duquel vrayement ne me los / C'un prince n'aye maladie / Ne prengne desroy par folie / Se ce ne vient par trayson / Par sorcerie ou par poison / Et vecy fole opinion / Simple ymaginacion» (Ibid. Fol. 6).

табль любой лжи», мечтающий лишь о том, чтобы разрушить «мир, любовь и согласие»⁴⁵.

Несмотря на то что в тексте поэмы Валентина Висконти ни разу не называлась по имени, современникам автора было совершенно ясно, что речь шла именно о ней. Прежде всего, в *Apparicion* упоминалась ее родная Ломбардия, которая – наравне с Фландрией – уже пострадала от происков дьявола, и та же самая участь грозила теперь Французскому королевству⁴⁶. Однако особый интерес представляет для нас стихотворное посвящение герцогине Орлеанской: в предназначавшейся ей рукописи оно располагалось на отдельном листе в самом начале текста. Здесь Оноре Бове призывал свою покровительницу не обращать внимания на распространяемые о ней небылицы и уповать на Господа, который, безусловно, накажет обманщиков смертью. Он писал, что «ложь долго не живет», а «после зимы всегда наступает лето»⁴⁷.

Apparicion maistre Jehan de Meun, как и произведения Эташа Дешана и Мишеля Пентуэна, свидетельствует, что слухи о Валентине Висконти и о ее возможном увлечении колдовством начали формироваться, по всей видимости, значительно раньше, чем к созданию своих «Хроник» приступил Жан Фруассар. Очевидно, что в изначальном виде эти сплетни бытовали в устной форме, а потому имя их «автора» мы никогда уже не узнаем⁴⁸. Данный факт А. Маршандисс, как мне представляется, вовсе не учел в своих построениях, как не учел и сугубо *литературный* контекст, в рамках которого легенда о супруге Людовика Орлеанского обрела законченный вид.

Образ развратной женщины, обращающейся к магии ради достижения собственных целей и добывающейся расположения пра-

⁴⁵ “Cest la soutilte du deable / Qui de mensonge est connestable / Qui tousiours par division / Fait perdre tant noble don / De paix, d’amour et de concorde” (Ibid. Fol. 7).

⁴⁶ “Regardes Flandre la puissant / Par division descroissant / Par division lombardie / N’eust jamaiz guerre finie / Or s’est venue essayer / Se pourra France enveminer” (Ibid.).

⁴⁷ “Et condempnee par tres faulx Jugement / A soffrir mort assez vilainement / Mais dieux du ciel qui fais vrays Jugemens / Tourna la mort sur les faux accusans... Car ja mensonges et leurs faulx diffamer / Non sont que songes ou l’escripture ment / C’est verite vraie conclusion / Que tous baraz sormonte loyaulte / Tres haulte dame entendes ma chançon / Aprez yver Revendrons en este” (Ibid. Fol. 8).

⁴⁸ О формировании слухов в средневековом обществе см. прежде всего: [Gauvard 1994; Gauvard 2001].

вителя, к концу XIV в. был прекрасно знаком образованным французам. Он возникал регулярно не только в высокоученых трактатах политического или исторического толка⁴⁹, но и в художественной литературе. Подобные рассуждения мы встречаем, в частности, в балладах того же Эсташа Дешана, который ставил знак равенства между проституткой и ведьмой⁵⁰, а также предупреждал своих знатных читателей-мужчин от заключения браков по велению похоти: в таком союзе, писал он, жена всегда подчиняет себе мужа и лишает его свободы воли (*Franche Volenté*)⁵¹. В стихотворном посвящении герцогине Орлеанской Оноре Бове сравнивал ее с Сусанной – ветхозаветной героиней, ложно обвиненной в прелюбодеянии, приговоренной к смерти, но в последний момент спасенной пророком Даниилом (Дан. 13: 19–46). Иными словами, и в его *Apparicion* присутствовала идея о женщине-распутнице, занимающейся колдовством, какой хотели видеть невестку Карла VI ее противники⁵².

На основании именно этих идей, как мне представляется, и возникла в результате «черная легенда» о Валентине Висконти – принцессе, якобы унаследовавшей склонность к занятиям колдовством от своего отца-тирана и удачно вышедшей замуж за похотливого распутника, рвущегося к власти. Вместе герцог и герцогиня Орлеанские составили «идеальную» пару дурных советников, обретающихся при дворе правителя, тем более что Людовик являлся не только родным братом, но и самым близким Карлу VI человеком⁵³.

⁴⁹ Как представляется, он был заимствован французскими интеллектуалами из «Поликратика» Иоанна Солсберийского, оригинальный латинский текст которого уже с XIII в. был прекрасно известен на европейском континенте, а в 1372 г. по заказу Карла V Мудрого был переведен на французский язык и присутствовал как в королевской, так и во многих сеньориальных библиотеках [Тогоева 2020].

⁵⁰ “Putain, sorciere, et dont venez, / Qui avez desrobé maint bon, / Et au gibet cheveux coupez, / Piez et mains, tel est vo renom, / Pour ensorceler ja pardon / N’arez; vostre vie chancelle: / Ars serez a un fourgon, / Vielle ribaude et maquerelle” (*Deschamps E. Œuvres complètes*. T. 6. P. 212).

⁵¹ “Las! Franchise, je me confesse / A vous et a Venus la deesse / De vos biens que j’ay deguerpy, / Que je receus en ma jeunesse / Par vostre don en grant largesse, / Qui me sont de tous poins failli, / Qu’une vielle m’a assailli / Qui est Couvoitise nommée / Et m’a fait marier a li: / De male heure fust elle née!” (*Ibid.* T. 8. P. 192).

⁵² “Belle Susanne par sa grant saintite / Fut accusee sans nulle verite” (*Bovet Honoré. Apparicion maistre Jehan de Meun. Fol. 8*).

⁵³ Об этом честно сообщал даже критически настроенный Жан Фруаскар: *Œuvres complètes de Froissart. Chroniques*. T. 14. P. 320.

Однако, помимо сугубо литературного контекста, способствовавшего уточнению и распространению легенды о Валентине Висконти, А. Маршандисс не уделил, как мне кажется, должного внимания наиболее важному аспекту этой истории – политической ситуации, складывавшейся в конце XIV в. во Франции, и, в частности, многолетней вражде Людовика Орлеанского и Филиппа II Смелого, герцога Бургундского, боровшихся за влияние на Карла VI и за личный контроль в делах управления королевством⁵⁴. Тем не менее, если рассматривать возникновение интересующих нас слухов в данной перспективе, следует признать, что они могли быть запущены совершенно целенаправленно и использовались сторонниками герцога Бургундского как одно из верных средств политической пропаганды. И хотя у нас нет никаких прямых доказательств, подтверждающих эту гипотезу, мы располагаем исчерпывающей информацией о страшном итоге затяжного конфликта двух принцев крови – убийстве герцога Орлеанского, последствия которого позволяют, на мой взгляд, с большей уверенностью судить о происхождении «черной легенды» о «любимейшей сестре» Карла VI.

* * *

Вечером 23 ноября 1407 г. Людовик Орлеанский выехал из дворца Барбет, где в то время проживала королева Изабелла Баварская, и двинулся по улице Тампль. Спустя всего несколько минут на него было совершено нападение: около десяти человек, которые поджидали его появления и лица которых были скрыты, набросились на герцога и сопровождавших его лиц. Слуги Людовика в панике разбежались, а сам он, получив несколько смертельных ранений в руку и в голову, скончался на месте⁵⁵. Расследование этого страшного злодеяния, начавшееся сразу же, очень быстро дало первые результаты. Все указывало на то, что заказчиком убийства являлся Жан Бесстрашный, наследник Филиппа II Смелого и новый герцог Бургундский. От его имени и на его деньги был снят дом на улице Тампль, где заговорщики поджидали свою жертву, в

⁵⁴ Подробнее о политическом противостоянии двух герцогов, послужившем причиной убийства Людовика Орлеанского, см.: [Schnerb 1988, pp. 15–97; Guenée 1992, pp. 202–210].

⁵⁵ “Ce jour, au soir, environ huit heures, messire Loiz, ... duc d’Orleans, ... en revenant de l’ostel de la Roïne, qui est près de la porte Barbette, vers l’église des Blans Manteaus, accompagné moult petitement selon son estat, ... fu par VIII ou X hommes armez ... tué et murtri” (Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Publ. par A. Tuetey. Paris, 1885. T. 1. P. 206).

его дворце Артуа часть из них укрылись после преступления, в его землях исчез главный виновник произошедшего – Рауль д’Октонвиль⁵⁶. Более того, сам герцог, по сообщениям хронистов, лично признался в причастности к преступлению⁵⁷, а его поспешный отъезд из Парижа лишь подтверждал эту информацию⁵⁸.

На протяжении нескольких месяцев Жан Бесстрашный готовил свою защиту, и наконец 8 марта 1408 г. в присутствии наследника престола, членов королевской семьи и многочисленных представителей французской знати Жан Пти, доктор теологии, профессор Парижского университета, а с 1406 г. советник герцога Бургундского, огласил составленное им «Оправдание», в котором обвинил Людовика Орлеанского в склонности к тирании и стремлении завладеть престолом его старшего брата⁵⁹.

Историки неоднократно обращались к тексту данного сочинения⁶⁰, но в первую очередь их интересовала интерпретация сугубо политических мотивов, которыми, по мнению Жана Пти, руководствовался герцог Бургундский, замышляя убийство Людовика Орлеанского. Этим причинам действительно была посвящена большая часть «Оправдания», где чрезвычайно подробно описывались преступления, якобы совершенные родным братом Карла VI с намерением «ослабить короля и его королевство и укрепить [собственные позиции], дабы достичь своей мерзкой и гнусной цели – получить корону и власть в стране»⁶¹. Вот почему в «Оправдании» герцог Орлеанский был прямо назван «подлым и непокорным пре-

⁵⁶ Enquête de prévôt de Paris sur l’assassinat de Louis, duc d’Orléans / Ed. par P. Raymond // Bibliothèque de l’école des chartes. 1865. T. 26. P. 243–244.

⁵⁷ *Monstrelet E., de*. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d’Arcq. Paris, 1890. T. 1. P. 162.

⁵⁸ Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417. T. 1. P. 208.

⁵⁹ О подготовке этого заседания см. подробнее: *Coville A.* Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408) // Bibliothèque de l’école des chartes. 1911. T. 72. P. 61–63. Полный текст сочинения Жана Пти остается до сих пор неизданным. Из тринадцати рукописей с текстом «Оправдания», дошедших до наших дней, лучшей считается: *Jean Petit.* Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, sur le fait de la mort du duc d’Orléans // BNF. Ms. fr. 5733.

⁶⁰ См., в частности: *Coville A.* Le véritable texte..., pp. 84–89; [Guenée 1992, pp. 190–199; Gorzolla 2019, ss. 129–135, 375–381].

⁶¹ “...Fait aleances aux anemis adversaires et malveullans des dis Roy et royaulme. En entencion de affleebier les dis Roy et royaulme apourier et se rendre plusfort et pluspuissant pour obtenir sa maulvaise et dampnee intencion.

дателем»⁶², а его поступки отнесены к категории тяжких уголовных преступлений, наносящих урон королевскому величию (*lese maieste royal*)⁶³. Именно так, развивал далее свою мысль Жан Пти, Людовик превратился в конце концов в истинного тирана и должен был поплатиться за это смертью⁶⁴. Убийство такого человека, согласно «моральному, естественному и Божественному праву», являлось не только достойным и похвальным, но и в высшей степени законным деянием, для которого не обязательно было получать чье-либо позволение или указание⁶⁵. Тем самым герцог Бургундский оказывался, по мнению Жана Пти, полностью оправданным.

Однако не только преступление против персоны короля интересовало советника Жана Бесстрашного. Политику герцога Орлеанского он также характеризовал как направленную против Божественного величия – против установлений самого Господа и его Церкви, т. е. как *lese maieste divine*⁶⁶. Желание заполучить корону и власть в королевстве привело Людовика, по мнению автора «Оправдания», к тому, что он окружил себя знатоками магии⁶⁷ и сам в результате превратился в колдуна, стремясь умертвить Карла VI с помощью заколдованного оружия и колец, порчи, заговоров и прочих злодеяний⁶⁸. При этом он покушался на жизнь не только самого правителя, но и его

C'est assavoir de obtenir la couronne et seigneurie dudit Royaulme" (*Jean Petit*. Op. cit. Fol. 55v).

⁶² "...Traistre du Roy faulx et desloyal a son souverain seigneur" (Ibid. Fol. 51v).

⁶³ Ibid. Fol. 13.

⁶⁴ "Il et tout tel subiect et vassal ainsy faisant doit estre puny *comme tyrant* faulx et desloyal aux dis Roy et Royaulme" (Ibid. Fol. 55v – 56; курсив мой. – О. Т.).

⁶⁵ "Il est licite a ung chascun subiect sans quelconques mandement ou commandement selon les loys moral, naturel et divine de occire ou faire occir ycellui traître desloial et tirant et non pas tant seulement licite mes honorable et meritorie" (Ibid. Fol. 34).

⁶⁶ Ibid. Fol. 13–13v.

⁶⁷ Ibid. Fol. 50–52, 58–61v, 65v.

⁶⁸ "...Tout subiect et vassal qui appenseement en machinant contre la sancte de son Roy... pour le faire mourir... par convoitise d'avoir la couronne et seigneurie fait consacrer ou... exsecrer espees, dagues, badelaires ou couteaux, verges d'or ou agneaux dedyer ou nom des dyables par nygromanciens faisans invocacions, caracteres, sorceries, charoys, supersticions et malefices... Il et tous ceux qui ce font ne commettent pas seulement crime de lese maieste humaine en premier degre. Mais commettent crime de lese maieste divine en premier degre" (Ibid. Fol. 49v–50).

детей⁶⁹, вступив в преступный сговор с герцогом Милана Джан Галеаццо Висконти, который желал видеть свою дочь единственной королевой Франции⁷⁰. Вот почему Людовик пытался извести Карла VI и наследника престола с помощью отравленных яблок⁷¹.

Таким образом, не называя имени Валентины Висконти прямо, Жан Пти тем не менее пересказывал те же самые слухи, которые ранее передавали Мишель Пентуэн, Эташ Дешан, Оноре Бове и Жан Фруассар и которые заставили молодую женщину покинуть Париж в 1396 г.⁷² Под пером советника Жана Бесстрашного герцог Орлеанский превращался в колдуна прежде всего потому, что этому способствовала его собственная жена-ведьма.

«Двойное преступление» Людовика Орлеанского – направленное как против Бога, так и против земного правителя – заслуживало, по мнению автора «Оправдания», «двойной смерти» – казни и «вечного проклятия в геенне огненной»⁷³. А потому действия герцога Бургундского следовало рассматривать как акт благодеяния не только для короля, но и для всех его подданных.

Можно было бы ожидать, что слухи о Людовике Орлеанском и Валентине Висконти будут воспроизводиться во французских сочинениях на протяжении долгих лет: ведь формально их признали виновными в самом страшном преступлении – в оскорблении королевского величия (*lèse-majesté*). Тем не менее большинство авторов, писавших в первые десятилетия XV в., ни об этих злодеяниях, ни о слухах, которые окружали герцогиню Орлеанскую в 1393–1396 гг. в Париже, даже не упоминали.

⁶⁹ “...Icelluy crimineulx duc a commis et perpetrez pour parvenir a sa mauvaise et dampnable intencion c'est assavoir a la tres noble et tres haulte couronne et seignourie de France et la tollir et substraire *au roy nostre sire et a sa generacion*” (Ibid. Fol. 75; курсив мой. – О. Т.).

⁷⁰ Ibid. Fol. 62v–64v.

⁷¹ “...Qui par convoitise de venir a la couronne et segneurie dun Royaulme machine a faire empoisonner par pommes empoisonnees et venismeuses ou aultrement le Roy dudit Royaulme et ses enfans” (Ibid. Fol. 55).

⁷² Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 407; Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261.

⁷³ “Et comme crimineux de crime de lese maieste... est digne de *double mort*. C'est assavoir premiere et seconde id est morte corporali et eterna dampnacione scilicet in ignem eternum qui paratus est dyabolo et angelis suis matth. XXV” (Jean Petit. Op. cit. Fol. 56; курсив мой. – О. Т.). Жан Пти ссылался в этом пассаже на Евангелие от Матфея: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41).

Мы не найдем и намека на них ни у Кристины Пизанской, отзывавшейся о Валентине как об «исключительно мудрой, доброй и высоконравственной» даме, ни в созданной около 1429 г. *Geste des nobles françois*, где говорилось только о слушаниях по делу об убийстве Людовика Орлеанского⁷⁴. О парижских слухах мельком упоминал Жан Жувенель дез Урсен в «Истории Карла VI» (ок. 1431 г.), хотя категорически отказывался в них верить, приписывая их «дурным языкам» (*mauvaises langues*)⁷⁵. Даже некоторые пробургундски настроенные авторы – Ангерран де Монстреле или Пьер Кошон – воздерживались от собственных оценок недавних событий, довольствуясь лишь неполным воспроизведением на страницах своих хроник текста «Оправдания» Жана Пти⁷⁶. Обвинения в адрес герцогов Орлеанских в полной мере воспроизводились лишь в *Geste des ducs de Bourgogne*, созданной в 20-е гг. XV в., а также в «Хронодромоне» Жана Брандона, написанном в 1428 г. Оба автора исключительно подробно пересказывали все положения трактата Пти: не были забыты и слухи о Джан Галеаццо Висконти и Ломбардии, о Валентине – ведьме и отравительнице, о Людовике – распутнике и колдуне⁷⁷.

Таким образом, отклики более поздних авторов также, на мой взгляд, подтверждали, что сплетни о Валентине Висконти – ведьме и распутнице – с самого начала носили характер политический и имели отношение не к «объективной» оценке текущих событий, но к пропаганде, осуществляемой сторонниками герцогов Бургундских⁷⁸. А потому вести речь о каком-то одном авторе «черной легенды» о герцогине Орлеанской – даже если на эту роль претендовал Жан Фруассар, один из самых читаемых хронистов рубежа XIV–XV вв., – на мой взгляд, не представляется возможным.

⁷⁴ *Pizan Ch., de. Le Livre du corps de policie* / Ed. par A.J. Kennedy. Paris, 1998. P. 147; *Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot, suivie de la Chronique normande de Pierre Cochon relative aux règnes de Charles VI et de Charles VII* / Ed. par A. Vallet de Viriville. Paris, 1859. P. 118–119, 123.

⁷⁵ *Juvénal des Ursins J. Histoire de Charles VI, roi de France* / Ed. par L.-G. Michaud, J.-J.-F. Poujoulat. Paris, 1836. T. 2. P. 394.

⁷⁶ *Monstrelet E. de. Op. cit.* T. 1. P. 177–242; *Chronique normande de Pierre Cochon* / Ed. par C. Robillard de Beaurepaire. Rouen, 1870. P. 224–237.

⁷⁷ *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne* // *Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique* / Ed. par J. Kervin de Lettenhove. Bruxelles, 1870–1876. T. 2. P. 260–291, 306–327; *Brandon J. Chronodromon seu cursus temporum* // *Ibid.* T. 1. P. 36, 110, 114–117.

⁷⁸ Подробнее о реакции французских и бургундских интеллектуалов на «Оправдание» Жана Пти см.: [Guenée 1992, pp. 201–221; Jollivet 2018a; Jollivet 2018b].

Литература

- Тогоева 2017 – *Тогоева О.И.* Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы // In *Umbra: Демонология как семиотическая система* / Отв. ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 6. М.: Индрик, 2017. С. 9–42.
- Тогоева 2020 – *Тогоева О.И.* Придворные соблазны: Колдовство куртизанок в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. 2020. Вып. 28. С. 49–76.
- Autrand 1986 – *Autrand F.* Charles VI. La folie du roi. P.: Fayard, 1986. 647 p.
- Gauvard 1994 – *Gauvard Cl.* Rumeur et stéréotype à la fin du Moyen Age // *La Circulation des nouvelles au Moyen Age. XXXe Congrès de la SHMES*. Rome: Editions de la Sorbonne, Ecole française de Rome, 1994. P. 157–177.
- Gauvard 2001 – *Gauvard Cl.* Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du XVe siècle // *Hypothèses–2000*. Paris, 2001. P. 281–292.
- Gorzolla 2019 – *Gorzolla P.* Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster: LIT-Verlag, 2019. 512 s.
- Guenée 1992 – *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P.: Gallimard, 1992. 350 p.
- Guenée 1999 – *Guenée B.* Un roi et son historien. Vingt études sur le règne de Charles VI et la «Chronique du Religieux de Saint-Denis». P.: Boccard, 1999. 538 p.
- Guenée 2004 – *Guenée B.* La folie de Charles VI, le roi Bien-Aimé. P.: Perrin, 2004. 317 p.
- Jollivet 2018a – *Jollivet L.* La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435 // *Questes*. 2018. T. 39. P. 91–112.
- Jollivet 2018b – *Jollivet L.* Le milieu humaniste français et la réhabilitation de la mémoire de Louis d'Orléans // *Humanisme et politique en France à la fin du Moyen Age* / Ed. par C. Bozzolo, Cl. Gauvard, H. Millet. P.: Editions de la Sorbonne, 2018. P. 141–157.
- Marchandisse 2008 – *Marchandisse A.* Milan, les Visconti, l'union de Valentine et de Louis d'Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains // *Autour de XVe siècle. Journées d'étude en l'honneur d'Alberto Varvaro* / Ed. par P. Moreno et G. Palumbo. Genève: Droz, 2008. P. 82–103.
- Olivier-Martin 1992 – *Olivier-Martin F.* Histoire du droit français dès origines à la Révolution, P.: Editions du CNRS, 1992. 763 p.
- Schnerb 1988 – *Schnerb B.* Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. P.: Perrin, 1988. 309 p.
- Varvaro 2011 – *Varvaro A.* La Tragédie de l'Histoire: La dernière œuvre de Jean Froissart. P.: Classiques Garnier, 2011. 202 p.
- Zink 1992 – *Zink M.* Littérature française du Moyen Age. P.: Presses universitaires de France, 1992. 189 p.
- Zink 1998 – *Zink M.* Froissart et le temps. P.: Presses universitaires de France, 1998. 225 p.

References

- Autrand, F. (1986), *Charles VI. La folie du roi*, Fayard, Paris, France.
- Gauvard, Cl. (1994), "Rumeur et stéréotype à la fin du Moyen Age", *La Circulation des nouvelles au Moyen Age. 30th Congrès de la SHMES*, Editions de la Sorbonne, Ecole française de Rome, Rome, Italy, pp. 157–177.
- Gauvard, Cl. (2001), "Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du 15th siècle", in *Hypothèses–2000*, pp. 281–292.
- Gorzolla, P. (2019), *Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI*, LIT-Verlag, Münster, Germany.
- Guenée, B. (1992), *Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407*, Gallimard, Paris, France.
- Guenée, B. (1999), *Un roi et son historien. Vingt études sur le règne de Charles VI et la "Chronique du Religieux de Saint-Denis"*, Bocard, Paris, France.
- Guenée, B. (2004), *La folie de Charles VI, le roi Bien-Aimé*, Perrin, Paris, France.
- Jollivet, L. (2018), "La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435", *Questes*, t. 39, pp. 91–112.
- Jollivet, L. (2018b), "Le milieu humaniste français et la réhabilitation de la mémoire de Louis d'Orléans", in Bozzolo, C., Gauvard, Cl. and Millet, H. (ed.), *Humanisme et politique en France à la fin du Moyen Age*, Editions de la Sorbonne, Paris, France, pp. 141–157.
- Marchandisse, A. (2008), "Milan, les Visconti, l'union de Valentine et de Louis d'Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains", in Moreno, P. and Palumbo, G. (ed.), *Autour de 15th siècle. Journées d'étude en l'honneur d'Alberto Varvaro*, Droz, Genève, Switzerland, pp. 82–103.
- Olivier-Martin, F. (1992), *Histoire du droit français dès origines à la Révolution*, Editions du CNRS, Paris, France.
- Schnerb, B. (1988), *Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre*, Perrin, Paris, France.
- Togoeva, O. (2017), "The Witches' Sabbat. Early images and their possible prototypes", in Antonov, D. and Khristoforova, O. (ed.), *In Umbra. Demonology as a semiotic system*, Indrik, Moscow, Russia, t. 6, pp. 9–42.
- Togoeva, O. (2020), "Court temptations. The witchcraft of courtesans in the 'Polycraticus' of John of Salisbury", *Adam and Eve. Almanach of gender history*, t. 28, pp. 49–76.
- Varvaro, A. (2011), *La Tragédie de l'Histoire: La dernière œuvre de Jean Froissart*, Classiques Garnier, Paris, France.
- Zink, M. (1992), *Littérature française du Moyen Age*, Presses universitaires de France, Paris, France.
- Zink, M. (1998), *Froissart et le temps*, Presses universitaires de France, Paris, France.

Информация об авторе

Ольга И. Тогоева, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; togoeva@yandex.ru

Information about the author

Olga I. Togoeva, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia; togoeva@yandex.ru